

*Моя
прекрасная
леди*

ЕВГЕНИЯ МАРЛИТТ

Графиня Гизела
Прихоти любви
Огненная дева
Семь нот любви

ЕВГЕНИЯ МАРЛИТТ

Семь нот любви

Москва
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
М28

Eugenie Marlitt
GOLDELSE

Перевод с немецкого *В. Зиновьева*

Художественное оформление *С. Ляха*

Марлитт, Евгения.

М28 Семь нот любви / Евгения Марлитт ; [пер. с нем. В. Е. Зиновьева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Моя прекрасная леди. Романы Барбары Картленд и Евгении Марлитт).

ISBN 978-5-699-86329-7

Эльза вынуждена отказаться от карьеры пианистки и последовать за семьей в глухую деревню. Но именно там она находит настоящее счастье. Каждый день, давая уроки музыки, девушка незаметно для самой себя влюбляется в хозяина поместья, в котором живет ее ученица. Только вот Эльза всего лишь дочь бедняка, а он наследник знатного рода. Но неожиданная встреча в лесу все меняет...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Зиновьев В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-86329-7

Глава 1

Уелый день падал снег. Он покрыл крыши и подоконники толстым безупречно чистым слоем. А метель, поднявшаяся к вечеру, погнала белые хлопья, потом с яростью налетела на стаю голубей, разметав их в разные стороны. Погода, в которую, как говорится, хороший хозяин и собаки на улице не выгонит. Однако это не отразилось на уличном движении столичного города Б.

Наступил вечер. Зажглись газовые фонари. А экипажи по-прежнему мчались по улицам с такой скоростью, что пешеходы, опасаясь за свою жизнь, жались вдоль стен домов, а если и переходили улицу, то старались сделать это как можно быстрее, выкрикивая ругательства и угрозы вслед особо «спешащим» экипажам. Град крепких словечек сыпался и вслед кучеру, управлявшему каретой. В ней за плотно закрытыми занавесками можно было разглядеть дам в шляпках, украшенных цветами. Они буквально утопали в волнах

Евения Марлитт

тонкого газа и шелка. Пассажирки экипажа даже не подозревали, какими «лестными» пожеланиями осыпали прохожие их изящные головки.

В окнах магазинов, мимо которых проносился их экипаж, застыли завитые манекены с темными или светлыми шевелюрами, которые способны внушить зависть любому дикарю — коллекционеру вражеских скальпов. Сквозь огромные, украшенные рекламой стекла можно было разглядеть прилежно работающих часовщиков; улыбающиеся лица покупателей; руки, перебирающие пышные ткани и наряды. Там на витринах искусственные цветы, сложенные в гирлянды и букеты, соседствовали с живыми цветами, послужившими для них моделью.

Из переулка на одну из главных улиц вышла упругим и легким шагом стройная женщина. Поношенное пальто плотно облегло стройные формы, она крепко прижимала к груди старую муфту, придерживая свесившиеся концы вуали, из-под которой сверкала молодым задором пара блестящих голубых глаз. Они весело смотрели на пелену снега и с удовольствием останавливались на розах и темных фиалках в витринах магазинов, и только тогда прятались в тени густых ресниц, когда среди снежных хлопьев неожиданно попадалась колючая градинка. Кому приходилось когда-либо слышать, как женские руки начинают бойко играть на роле

знакомую мелодию, но тотчас же фальшивят, берут всевозможные ноты, кроме тех, которые нужны в настоящую минуту, затем быстро мчатся дальше, вставляя или пропуская несколько легких тактов, чей слух подвергался подобным пыткам, тот легко может понять, с каким наслаждением молодая девушка, только что дававшая в институте уроки музыки, подставляла снежным хлопьям и свежему ветру свое разгоряченное лицо.

Пока она легко и быстро движется среди густой толпы, я хочу немного познакомить читателей с ее прошлым.

Вольф фон Гнадевиц был последним представителем славного рода, ведущего свое начало с того доброго старого времени, когда проезжавшие по дорогам купцы подвергались нападениям рыцарей и отдавали свои дорогие ткани и прочие товары в обмен на жизнь. К тем временам относится и колесо в гербе Гнадевицев, на котором испустил свой геройский дух один из предков вследствие того, что, следуя рыцарскому правилу присвоения чужого имущества, пролил слишком много неблагородной купеческой крови.

Это была большая несправедливость, всколыхнувшая все дворянство страны, так как обычно колесование предназначалось лишь для людей низкого происхождения. Тем более что «мученик» проливал только кровь торговцев и ремесленников,

Евения Мадлитт

а она стоила дешевле воды. И так, герой-разбойник не оставил темного пятна на своем генеалогическом древе, а его семья даже с какой-то бравадой включила в свой герб колесо, которое он облагородил.

Фон Гнадевиц, последний отпрыск своего рода, камергер при княжеском дворе X, был кавалером многих орденов, обладателем нескольких имений и всех свойств характера, присущих, по его мнению, лицам аристократического происхождения и называемых им благородными, потому что пониманию простого смертного, при его узких взглядах на нравственность под давлением условий жизни и нравов, были не доступны неподражаемая грация и изящество порока.

Вольф фон Гнадевиц, который, подобно своему деду, очень любил роскошь, покинул замок в горах Тюрингии, служивший колыбелью его рода, и выстроил себе в долине совершенно сказочный дворец в итальянском стиле. Вскоре внук совсем забросил замок на горе, но значительно расширил и украсил этот большой итальянский дворец в долине. Казалось, Вольф фон Гнадевиц ни на минуту не сомневался в том, что его род будет продолжаться до Страшного суда: ведь для того, чтобы заселить все вновь возведенные пристройки дворца, старое генеалогическое древо Гнадевицев должно было дать бесчисленное количество новых побегов.

Однако судьба распорядилась иначе. У Вольфа фон Гнадевица был сын, который уже в двадцать лет являлся таким истым Гнадевицем, что даже предок, прибавивший к фамильному гербу колесо, должен был побледнеть в сравнении с ним. Однажды во время охоты молодой барин нанес одному из загонщиков страшный удар хлыстом только за то, что тот нечаянно отдал ногу любимой хозяйской собаке. Некоторое время спустя Ганс фон Гнадевиц был найден на дубе в лесу с веревкой на шее. Избитый загонщик поплатился за это жизнью, но сия мера не воскресила последнего Гнадевица, и славный род угасал.

После этого страшного происшествия Вольф фон Гнадевиц немедленно покинул свой роскошный особняк в долине и перебрался в Силезию, в одно из своих многочисленных имений. Он взял к себе в дом дальнюю родственницу по боковой линии для того, чтобы та заботилась о нем. Однако оказалось, что эта родственница — прелестная молодая особа. При виде ее старик забыл о цели ее приезда и решил, что его шестидесятилетний стан еще достаточно строен для того, чтобы облачиться в свадебный фрак. Но к глубочайшему негодованию, ему пришлось узнать, что наступило время, когда даже Гнадевиц может получить отказ: он пришел в ярость, когда девушка созналась ему, совершенно забыв о своем высоком происхождении,

Евения Мадлитт

что отдала свое сердце молодому офицеру недворянского происхождения, сыну одного из лесничих фон Гнадевица.

У молодого офицера Фербера не было ничего, кроме сабли и стройной фигуры. Но он был очень образован и обходителен и отличался прекрасным характером. Когда после этого признания Вольф фон Гнадевиц оттолкнул от себя прелестную Марию, молодой Фербер женился на ней и первые десять лет своего брака не согласился бы поменяться местами ни с одним королем. Но тут наступил 1814 год, принесший с собой тяжелые испытания и произведший полный переворот в его жизни. Для Фербера наступил критический момент, когда ему пришлось выбирать между двумя чувствами: первое еще с колыбели внушалось ему отцом и побуждало его любить ближнего своего, как самого себя и прежде всего своих соотечественников; второе же было чувством долга, и оно повелело ему взяться за оружие.

В этой тяжелой борьбе победило первое. Фербер не пошел против своих братьев, но эта победа стоила ему карьеры и лишила обеспеченного положения. Он ушел в отставку. Вскоре после этого простуда уложила его в постель, с которой он поднялся только спустя несколько лет. Потом он переехал с семьей в Б., где получил сносное место бухгалтера в одной крупной торговой фирме. Это подоспело

как раз вовремя, так как капиталец жены пропал при банкротстве банка, и только многократная денежная помощь старшего и единственного брата Фербера, служившего лесничим в тюрингенском лесничестве, спасла несчастную семью от крайней нужды.

К сожалению, это счастье продолжалось недолго. Начальник Фербера был очень набожным и старался обращать на путь истины всех подчиненных. Фербер также не избежал этого, однако усердие Гагена, как звали хозяина фирмы, натолкнулось здесь на решительный отпор. Правда, отпор этот высказывался спокойно и основывался на глубоких научных знаниях, однако это страшно возбудило набожную душу купца. Мысль о том, что он дает хлеб вольнодумцу и тем способствует гибели Царства Божия, не давала Гагену покоя, пока он наконец не избавился от этой тяжести, написав приказ об увольнении Фербера и выгнав заблудшую овцу из своего стада.

В это время Вольф фон Гнадевиц отправился к праотцам, и так как он строго придерживался правил своих предков — никогда не оставлять ни одной обиды неотмщенной, то жизнь старика закончилась достойным его завещанием, написанным им собственноручно. Этим завещанием, свидетельствовавшим о его родовой последовательности, он назначил дальнего родственника своей жены пол-

Евения Марлитт

ным наследником всего имущества. Заканчивался документ следующими словами: «Вследствие того, что Анна-Мария Фербер, урожденная фон Гнадевиц, имеет неоспоримые права на наследство, я завещаю ей замок Гнадек в Тюрингии. Анна-Мария не может не сознаться в том, что я оказываю ей благодеяние, оставляя ей приют, с которым тесно связаны воспоминания нашего благородного рода, к которому она также принадлежит. Зная хорошо, что в этом замке всегда царили счастье и благоденствие, и обстоятельно взвесив сей неоспоримый факт, я нахожу излишним присоединять еще что-либо к этому подарку.

Если же она не сумеет оценить мой дар и пожелает продать его, то она тотчас же лишается своих прав на замок, который переходит тогда в собственность сиротского дома в Л.».

Вольф фон Гнадевиц на своем смертном одре приготовил этим завещанием самую язвительную насмешку.

Ни Фербер, ни жена его никогда не видели этого старинного замка, но им, как и всем, было известно, что он представляет собою груды развалин, до которых в течение последних пятидесяти лет не дотрагивалась рука человека.

— Вся домашняя утварь, панели и даже медная крыша с главных строений были сняты и перевезены в новый особняк в долине еще в самом начале его постройки.

— С тех пор тяжелые запоры и висячие замки на громадных дубовых воротах запылились и заржавели, столетние деревья спокойно росли около серых зданий, и скоро старый покинутый замок, скрывавшийся за зелеными ветвями, стал походить на древнюю мумию в гробу.

Счастливый наследник всего имущества фон Гнадевиц, которому неожиданное наследство — владение среди леса — было крайне неприятно, охотно продал бы за хорошую цену старый замок, но предусмотренная в завещании оговорка не допускала никаких своеволий.

Госпожа Фербер, прочитав доставленную ей копию завещания и уронив на нее несколько горьких слезинок, молча положила ее на письменный стол мужа и снова с рвением принялась за свое вышивание.

Фербер, несмотря на все старания и хлопоты, не мог получить никакого места и принужден был зарабатывать кусок хлеба для семьи дурно оплачиваемыми переводами и перепиской бумаг и нот. Жена помогала ему рукоделием.

Каким бы мрачным ни было небо, распростершееся над этой семьей, все же в нем засверкала звездочка, казавшаяся залогом и обещанием благословения, заменяющего все земные блага. Фербер ощущал на себе ее благотворное влияние, когда впервые приблизился к колыбели своей дочурки и

Евения Мадлитт

бросил нежный взгляд на ее тонкое личико с великолепными глазами, казалось, уже улыбающимися ему.

Прошло несколько лет. Подруги, держа у купели девочку, спорили, кто из них больше любит крестницу, клялись не забывать этого дня, но когда дела Фербера стали совсем плохи, то от обещаний и воспоминаний не осталось и следа.

Этот грустный опыт, приобретенный Елизаветой на девятом году своей жизни, нисколько не беспокоил ее. Добрая фея наделила ее веселым, ровным характером и большой силой воли.

Фербер сам учил свою дочь. Она никогда не ходила ни в школу, ни в институт. Умственные способности Елизаветы быстро развивались под руководством даровитых родителей. Науками она занималась очень серьезно с горячим стремлением основательно знать все, за что она бралась. Музыкой она занималась усердно и с любовью, с какой обыкновенно человек отдается тому предмету, в котором видит свое призвание.

Вскоре она далеко превзошла свою учительницу — мать, и несмотря на то что была еще ребенком, заметив мрачное облачко на лице отца, она тотчас же бросала свои игрушки, садилась к нему на колени и рассказывала ему чудные сказки собственного сочинения. Позднее она изгоняла демонов тоски из души отца чудными мелодиями, за-

рождавшимися в ее душе и переливавшимися, как блестящий жемчуг. Прекрасная игра девушки в мансарде привлекла внимание других обитателей дома. Елизавета получила несколько уроков, а затем ей предложили занятия в институте, благодаря чему она могла значительно облегчить заботы родителей о насущном хлебе.

Теперь мы можем снова продолжать начатый рассказ и последуем за девушкой, спешившей в бурный зимний вечер под родительский кров.

Глава 2

Во время бесконечного пути по улицам Елизавета переживала то наслаждение, которое испытывала каждый раз, входя в свою уютную комнату. У письменного стола, освещенного небольшой лампой, сидел отец, с улыбкой подымавший бледное лицо при звуке шагов дочери. Он брал перо, неутомимо скользившее весь день по бумаге, в левую руку, а правой привлекал к себе дочь и целовал ее в лоб. Мать, сидевшая возле него с рабочей корзиной в ногах, приветствовала дочь нежной улыбкой и указывала на домашние туфли Елизаветы, заботливо принесенные ею в теплую комнату. В горячей печной трубе пеклись яблоки, а в уютном уголке возле печки, на деревянном столе шипел чайник. Синее пламя спиртовки освещало целый полк оло-